

Елена Дмитриевна ЛонскаяОмский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, преподаватель кафедры русского языка,
литературы и документных коммуникаций, Омск, Россия
e-mail: elenandl@yandex.ru**Персонификация состояния испуга по данным
свободного и направленного ассоциативного эксперимента**

Аннотация. В статье представлены результаты анализа субъективной семантики эмотива-номинанта *испуг* с точки зрения персонификации названной им эмоции. В ходе работы были проведены свободный ассоциативный эксперимент (стимул «Испуг»), эксплицирующий в большей степени лексико-семантические признаки эмотива-номинанта, и направленный ассоциативный эксперимент (стимул «Испуг что делает?»), нацеленный на выявление синтагматических связей эмотива-номинанта. Материалом исследования выступили ассоциативные единицы, характеризующие испуг как активную, враждебную сущность, которой свойственны внезапность появления, насильственное воздействие на носителя эмоции и кратковременность действия. Реакции свободного ассоциативного эксперимента позволили выявить актанты, указывающие на качество и характер действия, приписываемого стимулу-эмотиву, а реакции направленного ассоциативного эксперимента помогли восстановить само это действие и, как следствие, реконструировать фрагмент потенциальной эмоциональной ситуации, стоящей за именем эмоции.

Ключевые слова: субъективная семантика, эмотив-номинант, свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, параметры.

Elena D. LonskayaDostoevsky Omsk State University, Lecturer of the Department of Russian Language,
Literature and Documentary Communications, Omsk, Russia
e-mail: elenandl@yandex.ru**Personification of the State of Fright According
to Free and Directed Associative Experiments**

Abstract. The article presents the results of an analysis of the subjective semantics of the emotive nominee “fright” in terms of the personification of the emotion it names. A free associative experiment (the “Fright” stimulus), which primarily explicates the lexical and semantic features of the emotive nominee, and a directed associative experiment (the “Fright what does it do?” stimulus) aimed at identifying the syntagmatic connections of the emotive nominee were conducted. The study focused on associative units characterising fright as an active, hostile entity characterised by suddenness of appearance, violent impact on the bearer of the emotion, and a brief duration of action. The responses of the free association experiment allowed to identify the actants indicating the quality and nature of the action attributed to the emotive stimulus, while the responses of the directed association experiment helped to reconstruct the action itself and, as a result, to reconstruct a fragment of the potential emotional situation underlying the emotion name.

Keywords: subjective semantics, emotive-nominee, free associative experiment, directed associative experiment, parameters.

Введение (Introduction)

«Цель научного эксперимента, — отмечает А. М. Шахнарович, — искусственно вызвать явление, подлежащее изучению, с тем чтобы, наблюдая за этим явлением, более глубоко и полно его познать» [1, с. 191]. Одним из таких

явлений, вызывающих бурный, в том числе экспериментальный интерес, — на протяжении долгих лет остается языковая система, речь и языковое сознание. Еще Л. В. Щерба писал о важности экспериментальных методик в изучении живых языков [2].

© Лонская Е. Д., 2026

Для цитирования: Лонская Е. Д. Персонификация состояния испуга по данным свободного и направленного ассоциативного эксперимента // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 118–123. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-118-123

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

В настоящее время особенно широко эксперименты используются в отечественной психолингвистике: с целью исследования речевой деятельности [3] и языкового сознания [4], с целью анализа динамики структур знания и сознания [5], с целью выявления психологического значения и субъективной семантики языковых единиц [6], а также с целью определения особенностей восприятия текста [7] и др. В зарубежной психолингвистике частотны эксперименты, нацеленные на выявление особенностей понимания и обработки речи, основанные на регистрации движений глаз и времени реагирования на стимул [8; 9; 10].

По мнению А. А. Леонтьева, граница между лингвистическим и психолингвистическим экспериментами определяется по типу верифицируемой в нем модели. Если перед нами языковая модель, «то мы имеем дело с лингвистическим экспериментом (но он может служить и для верификации функционально-речевых моделей)» [11, с. 80]. Психолингвистическим же эксперимент является тогда, когда «мы верифицируем модель речевой способности или модель речевой деятельности» [11, с. 80].

Представляющие для нас интерес единицы, средства, способы, категории и отношения, хранящиеся в сознании носителя языка в «предтекстовом» состоянии и находящиеся на грани «готовности к употреблению», Ю. Н. Караулов рассматривает как составляющие ассоциативно-вербальной сети (далее также АВС) [12, с. 47]. АВС отражает не только лексико-семантические особенности языковых единиц, но и способы хранения грамматических знаний в памяти индивида: «грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита, “размазана” по ассоциативно-вербальной сети» [13, с. 6–7].

Одним из источников данных об АВС служат результаты ассоциативного эксперимента, идея которого «состоит в наблюдении способа актуализации системы ассоциативных связей» [14, с. 41]. Как отмечает А. А. Залевская, «ассоциативный эксперимент выявляет и разные аспекты значения, и набор валентностей исследуемого слова, и типичные заполнители этих валентностей» [15, с. 106].

Для нас важно и то, что объектом психолингвистического эксперимента, в том числе ассоциативного, всегда является «субъективное содержание знакового образа или те или иные операции над ним» [16, с. 19]. Именно в сознании индивидов протекает «вторая жизнь» значений [16, с. 10], в которой содержание языкового знака индивидуализируется и субъективируется.

Объектом нашего исследования является субъективное значение слов, непосредственно называющих эмоции. По словам В. И. Шаховского, данные лексемы хранят как личностно, так и биологически обоснованные знания человека о переживании. При этом «и те, и другие формируют концептуальное значение лексикализованной (ословленной и означенной) эмоции в форме ментального конструкта» [17, с. 25–26]. Мы называем такие лексемы эмотивами-номинантами, основываясь на положениях Л. Г. Бабенко о том, что эмотивное значение в подобных номинациях входит в логико-предметную часть значения, в связи с чем

именно лексемы, называющие чувства, могут рассматриваться как «непосредственные знаки эмоций» [18, с. 13].

Цель статьи — представить результаты анализа субъективной семантики эмотива-номинанта *испуг*, основанного на изучении собственно ассоциативных и синтагматических связей данной лексемы в сознании носителя языка.

Методы (Methods)

Ключевым для данной работы является такой экспериментальный психолингвистический метод, как ассоциативный эксперимент.

С целью «овнешнения» субъективной семантики эмотива-номинанта в мае 2024 г. на платформе «Google Формы» был проведен свободный ассоциативный эксперимент (далее также САЭ), в котором 100 испытуемым в возрасте от 18 до 25 лет было предложено ответить первым пришедшим на ум словом на стимулы *страх, ужас, боязнь, испуг, удовольствие, радость, счастье и восторг*. В процессе анализа ассоциативного материала мы использовали классификацию типов вербальных ассоциаций, представленную в монографии Е. Н. Гуц. Она включает собственно семантические, собственно ассоциативные реакции, реакции развертывания, пояснения, инвективные и оценочные реакции [19, с. 70–75].

В статье мы остановимся на ассоциативном поле «Испуг».

Испуг: *страх* (29); *крик* (8); *неожиданность* (5); *глаза* (3); *боязнь* (3); *картина «Крик»* (3); *дрожь* (2); *паук* (2); *резко* (2); *ужас* (2); *экзамены* (2); *эмоции* (2); *эмоция* (2); *ах*; *бэтмен*; *вздрыгнуть*; *волнение*; *двойка*; *жуки*; *заяц*; *картина*; *картина Мунка «Крик»*; *кошка*; *красться*; *маска*; *масло*; *момент*; *мрак*; *напугать*; *неожиданно*; *никогда*; *паника*; *потеря*; *приведение*; *призрак*; *реакция психики*; *резкий*; *резкость*; *скример*; *смерть*; *смех*; *собака*; *ступор*; *темнота*; *тетрадь*; *триггер*; *холод*; *черная кошка* (1), 100, 0.

Отмечая достоинства свободного ассоциативного эксперимента, Е. И. Горошко подчеркивает гибкость такой формы и свободу, предоставляемую испытуемому: «В самой формулировке задания САЭ: “ответить на предъявляемое слово первым пришедшим в голову словом” — нет установки ни на общение с экспериментатором, ни на решение познавательной задачи» [20, с. 55]. Это позволяет исследователям высоко оценивать информативность данных свободного ассоциативного эксперимента.

Так, результаты САЭ позволили нам сделать вывод об эвристическом потенциале ассоциативного материала с точки зрения моделирования процессов вербализации эмоций. Однако, несмотря на репрезентативность лексико-семантических характеристик, аспект сочетаемости рассматриваемой лексемы, обусловленный ее семантической спецификой, был раскрыт недостаточно: из 100 ассоциатов только одна реакция была интерпретирована как реакция развертывания, или синтагматическая реакция (*резкий*), в то время как остальные реакции квалифицировались как собственно семантические, или парадигматические (*страх*; *ужас*; *напугать* и т. д.), и собственно ассоциативные (*паук*; *резко*; *масло*; *смех* и т. д.).

В связи с этим следующим шагом стало проведение направленного ассоциативного эксперимента, в котором мы

сделали попытку вывести на первый план синтагматические характеристики стимула-эмотива.

Направленный ассоциативный эксперимент предполагает, что стимул дается испытуемым с учетом наложения некоторых ограничений, которые позволяют направить ассоциации в нужное для исследования русло [21, с. 47]. Такой вид эксперимента в терминологии А. А. Леонтьева называется контролируемым [22, с. 5–6].

С одной стороны, как отмечает Е. И. Горошко, «наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования может серьезно снизить валидность и надежность результатов» [20, с. 54]. Но, с другой стороны, такое ограничение выбора, обусловленное задачами исследования, становится эффективным, особенно в тех случаях, когда свободный эксперимент не дает релевантного материала. По словам А. А. Залевской, «условия направленного ассоциативного эксперимента сужают исследуемое поле связей до определенного сектора, создавая возможность для более глубокого выявления специфики целенаправленной идентификации исходного слова и особенностей поиска слов, связанных с исходным по заданному параметру» [15, с. 54].

Важность критериев выбора этого параметра подчеркивает О. Е. Виноградова, отмечая, что «вопросы-стимулы фактически должны определяться конкретной семантикой исследуемого слова», в связи с чем «встает вопрос о том, как получить данные об эффективных формулировках стимула для направленного ассоциативного эксперимента с конкретным словом» [23, с. 67]. В нашем случае «направляющими» становятся данные Национального корпуса русского языка, а именно выявленные на их основе синтагматические отношения, в которые вступает эмотив-номинант в реальных речевых высказываниях. Зафиксировать эти отношения позволила система параметров, служащая инструментом анализа эмоциональной ситуации — вербализованного фрагмента внеязыковой действительности, репрезентирующей особенности протекания той или иной эмоции через ее взаимосвязь с другими компонентами, в совокупности формирующими данное переживание. Помимо эмотива-номинанта (самой эмоции), были определены такие компоненты эмоциональной ситуации, как определитель (качество эмоции), предикат (характер эмоции), каузатор (причина эмоции) и экспериенцер (носитель эмоции). На основе синтагматических реляций эмотива-номинанта с данными компонентами мы вывели следующие параметры, включение единиц в группу которых определяется смысловыми вопросами:

- «Признаки эмоции» — «Эмoция кака́я?»;
- «Деятельность эмоции» — «Что делает эмоция?»;
- «Проявление эмоции» — «Как проявляется эмоция? В чем проявляется?»;
- «Носитель эмоции» — «Эмoция чья? Кто испытывает эмоцию?»;
- «Причина эмоции» — «Почему возникла эмоция?» [24].

Ранее нами было обосновано применение системы параметров в качестве инструмента анализа материала САЭ [25]. Также было выявлено, что ассоциативные реакции, полученные в ответ на стимул-аттрактор, служащий

«совокупностью точек-признаков, “притягивающей”, определяющей и словоизменительное, и словообразовательное, и семантическое варьирование» [13, с. 192], отражают представления о компонентах потенциальной эмоциональной ситуации и соответствуют (грамматически и особенно семантически) заполнителям данных позиций в собственно речевом высказывании, репрезентирующем переживание.

В результате основой каждого стимула в анкете направленного ассоциативного эксперимента (далее также НАЭ) стал смысловой вопрос того или иного параметра, призванный актуализировать соответствующие синтагматические связи эмотива-номинанта, включенного в состав этого стимула. В зависимости от аспекта эмоциональной ситуации, исследуемого в рамках того или иного параметра, и специфики предполагаемых ответов форма стимулов различается. Так, параметрам «Признаки эмоции», «Деятельности эмоции», «Носитель эмоции», «Причина эмоции» были предложены вопросы-стимулы, совпадающие со смысловыми вопросами параметров: «Испуг какой?», «Испуг что делает?», «Испуг чей?», «Испуг из-за чего/отчего/почему... и т. д.?». В силу разнообразия форм и конструкций речевых образцов, рассматриваемых в рамках параметра «Проявление эмоции», было решено предложить четыре стимула. Вопрос-стимул «Как внутренне/внешне проявляется испуг?» и высказывание-стимул «Я ... испуг/испуга/испугом» нацелены на репрезентацию поведения самого экспериенцера. С помощью высказываний-стимулов «Он ... испуг у меня / меня в испуг» и «Он ... во мне испуг / меня в испуг» исследовался характер действия каузатора-субъекта, вызывающего данную эмоцию. Последние три высказывания-стимула были разработаны на основе такой модификации направленного ассоциативного эксперимента, как методика дополнения языкового знака, сущность которой состоит в «деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления» [26, с. 221]. В нашем случае предложенные высказывания требовали от испытуемых вставки предиката.

В итоге данные стимулы были сформулированы для эмотивов-номинантов *страх, ужас, боязнь, испуг, удовлетворение, радость, счастье и восторг*. Сам направленный ассоциативный эксперимент проводился в сентябре 2024 г. Всего в нем приняли участие 100 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет.

Обработка единиц, полученных в результате НАЭ, происходила в рамках групп соответствующих параметров. В данной статье мы рассмотрим реакции, формирующие группу параметра «Деятельность испуга».

Представим полученное поле.

Испуг что делает?: пугает (31); удивляет (6); будоражит (3); нападает; настигает; наступает; обездвигивает; останавливает; ошеломляет; сковывает; тревожит (2); бежит; бодрит; вводит в ступор; возникает; вселяет ужас; выбивает; вызывает боязнь; вызывает быструю эмоцию; вызывает неопределенные чувства; дает адреналин; действует на нервы; дергает; замер; замораживает; заставляет пугаться; заставляет чувствовать себя бодрее; заставляет переосмыслить; застаёт врасплох; искрит; испугает; испытывается;

любит; мгновенно шокирует; мелькает; мычит; на короткое время сильно пугает; настораживает; неловкость; немного пугает; неприязнь; одолевает; охватывает; оцепеневает; парализует; появляется; пробуждает; развлекает; рефлекс на какую-то опасность; сбивает; случается; смешит; смотрит; убивает (1), 100, 2.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Параметр «Деятельность испуга» предполагает вхождение в него ассоциатов, отражающих характер действия или само действие, субъектом которого выступает эмоция, названная стимулом-эмотивом. В основе данного параметра лежит понятие персонификации — такой разновидности метафоры, когда какой-либо объект, в том числе абстрактное понятие, интерпретируется как человек, что позволяет осмыслить — в нашем случае именно эмоциональный — опыт «в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей» [27, с. 59–60].

Из единиц САЭ к группе данного параметра было отнесено только пять ассоциативных реакций: *резко* (2); *неожиданно*; *момент*; *никогда*. Первые четыре ассоциата отражают начальную фазу — возникновение испуга, — подчеркивая внезапность и кратковременность состояния. С одной стороны, данные реакции могут рассматриваться как собственно ассоциативные: в свернутом виде они содержат представление о прототипической эмоциональной ситуации, которая не была вербализирована респондентом, но которая была названа им по ее наиболее репрезентативному компоненту. Примечательно, что эти реакции не составляют со стимулом, выраженным существительным, грамматически верного сочетания при введении последнего в рассматриваемые примеры, и, несмотря на название параметра, собственно действие в таких реакциях не представлено. Однако мы можем попытаться его восстановить исходя из той характеристики, которую и приписывают опущенному предикату сами ассоциаты. Тогда, с другой стороны, согласно положениям Ю. Н. Караулова, такие пары S-R, не способные образовывать синтаксемы [12, с. 112], могут рассматриваться «как лексические элементы — актанты — пропозиции, которые в результате опять-таки простейших трансформаций превращаются на поверхностном уровне в предложение русского языка» [12, с. 113]. Так, при введении в роли субъекта стимула *испуг* и добавлении предиката-глагола с общим значением 'появиться' или 'оказать влияние' получаем следующие варианты: *испуг возник резко*; *испуг возник неожиданно*; *резко напал испуг*; *неожиданно охватил испуг* и т. д. В случае с парой *испуг — момент* реакции можно придать предложно-падежную форму *в момент: испуг возник в (один) момент*.

Несколько иначе рассматривается реакция *никогда*, которую, с одной стороны, можно трактовать в ключе ответов в вопросном режиме, когда сама ситуация опроса «благоприятствует восприятию испытуемым предъявляемого стимула не только с повествовательно-утвердительной, но в ряде случаев и с вопросительной интонацией» [13, с. 201]. С другой стороны, даже при таком случае в потенциальном вопросе *Испуг?* содержится образ вызываемой в сознании носителя возможной прототипической ситуации, которая

целиком или часть которой (причина, возможность поддаться рассматриваемой эмоции вообще и т. п.) отвергается респондентом. Прекращение деятельности эмоции или недопущение ее возникновения в перспективе при сохранении представления о соответствующей эмоциональной ситуации в целом также могут рассматриваться как фаза или квазифаза существования *испуга*.

Получить более широкое представление о предикате позволили данные НАЭ. Актуализировав синтагматические связи эмотива-номинанта *испуг*, введя его в вопрос-стимул, мы получили реакции, соответствующие реакциям развертывания, синтагматическим реакциям, обычно рассматриваемым в рамках свободного ассоциативного эксперимента.

Опираясь на семантические классы глаголов, приведенные в «Большом толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [28], мы определили семантические группы глаголов-реакций, полученных в результате проведения НАЭ, и их соотношение с фазами существования испуга. Как показали результаты эксперимента, эмоция, выступающая в роли активного деятеля, характеризуется собственным жизненным циклом, включающим этап возникновения, непосредственного воздействия (внимание переносится с поддержания эмоцией собственной «жизнедеятельности» на активное враждебное влияние на человека), а также завершения этого воздействия и существования в целом. Рассмотрим эти фазы подробнее.

Возникновение эмоции в первую очередь передают нейтральные глаголы начала существования *наступает* (2); *возникает*; *появляется*, а также примыкающая к ним лексема *случается*, подчеркивающая произвольный характер эмоции. Глаголы физического воздействия на объект, в том числе глаголы прикосновения (*настигает*; *охватывает*), а также глаголы одностороннего движения и глаголы активного воздействия с целью нанесения вреда объекту вплоть до его разрушения — *выбивает*; *дергает*; *заставляет врасплох*; *сбивает*; *нападает* (2) — репрезентируют агрессивный характер эмоции. Они отражают то, как испуг врывается в жизнь потенциального экспериенцера, как бы нарушая его личные границы и подрывая привычный порядок, ставит его в неловкое положение, пользуясь его же неподготовленностью.

Собственно воздействие эмоции проявляется в способности *испуга* активизировать физические и ментальные реакции экспериенцера. Глаголы физического воздействия *обездвиживает* (2); *останавливает* (2); *сковывает* (2); *водит в ступор*; *замораживает*; *парализует* являются одними из наиболее частотных в рамках исследуемого поля. Они передают враждебное воздействие эмоции с целью лишить человека возможности действовать. Жестокость эмоции отражают глаголы победы и глаголы лишения жизни живого существа (*одолевает*; *убивает*). Наиболее широко представлены сочетания с глаголами становления эмоционального состояния: *испуг инициирует возникновение других эмоций*. Это негативные состояния того же эмоционального диапазона (*пугает* (31); *вызывает боязнь*; *вселяет ужас*; *заставляет пугаться*; *испужает*; *немного пугает*; *на короткое время сильно пугает*); негативные состояния смежного диапазона (*тревожит* (2); *действует на*

нервы); состояния иных диапазонов, на первый план в которых выходит растерянность экспериенцера, его неподготовленность (*удивляет (6); ошеломляет (2); мгновенно шокирует; вызывает неопределенные чувства*). В таких реакциях смешивается и воздействие испуга, и воздействие каузатора, обуславливающего внезапный характер эмоции собственной внезапностью. Ассоциаты *мгновенно шокирует; вызывает быструю эмоцию* эксплицируют темпоральную характеристику действия эмоции. Также испуг вызывает прилив энергии, что объясняется физиологическими реакциями на потенциальную опасность, которая заставляет человека мобилизовать все силы. Результаты такого воздействия испуга на экспериенцера передают глаголы приведения в физиологическое состояние (*будоражит (3); бодрит; дает адреналин; заставляет чувствовать себя бодрее; пробуждает*). С подобными механизмами могут быть связаны ассоциаты, включающие глаголы возбуждения интеллектуальной деятельности *заставляет переосмыслить и настораживает*, которые отражают воздействие испуга на ментальную сферу человека.

Отметим, что ассоциаты *мелькает и искрит*, выраженные глаголами прерывистого действия, объединяют представление как о *начальном*, так и о *завершающем этапе* существования испуга, основанном на признаках быстроты, резкости и непоследовательности. Кроме того, реакция *искрит* репрезентирует и образное осмысление существования испуга вне непосредственного воздействия на экспериенцера.

В силу вариативности понимания вопросов-стимулов испытуемыми некоторые полученные реакции мы можем трактовать по-разному. С одной стороны, помимо прямого ответа на вопрос «Испуг что делает?», мы могли получить ответ на этот же, но понятый иначе, вопрос: «Испуг (возник), что делает (человек)?». Так, реакции *наподобие замер; бежит; смотрит; оцепенеет* будут рассматриваться в рамках параметра «Проявление испуга». С другой стороны, предложенный вопрос может быть понят так: «Испуг (возник) что делает (тот, кто вызвал испуг)?» В таком случае часть реакций будет рассматриваться и в рамках параметра «Деятельность испуга», и в рамках параметра «Причи-

на испуга» (*пугает (31); вселяет ужас; мгновенно шокирует; искрит* и др.).

Заключение (Conclusion)

Анализ собственно ассоциативных и (особенно) синтагматических связей эмотива-номинанта показал, что испуг воспринимается испытуемыми как враждебная сущность, основные проявления которой приходится в большей мере на фазу возникновения и собственно воздействия. Признак быстротечности, резкости и внезапности передают как собственно ассоциативные реакции (САЗ), так и синтагматические реакции, представленные глагольными лексемами (НАЭ). Важно отметить, что негативный, враждебный характер переживания, репрезентированный только синтагматическими реакциями (НАЭ), раскрывается уже на стадии появления эмоции: деятельность испуга направлена не столько на поддержание собственного существования, сколько на резкое нарушение своим возникновением привычного состояния экспериенцера. При этом испуг не «помещается» в человека, а нападает на него извне. Собственно воздействие испуга насильственно, что подчеркивается характером действия приведенных испытуемыми предикатов: полный контроль, принуждение, разрушение. Однако, несмотря на преимущественно негативное представление, были получены реакции-предикаты, характеризующие физиологически полезные аспекты испуга, а именно мобилизация сил на борьбу с потенциальной угрозой и психологическая разрядка.

Таким образом, синтагматические реакции, полученные в результате НАЭ, позволяют эксплицировать те компоненты потенциальной эмоциональной ситуации, которые оказались в САЗ свернутыми и скрытыми за актантами, характеризующими эти самые компоненты. В данном случае такое комплексное применение методов свободного и направленного ассоциативного эксперимента позволило расширить представление о деятельностном характере испуга. Следующим шагом может стать верификация полученных результатов путем сопоставления материала НАЭ с речевыми высказываниями, на основе которых и была разработана система параметров.

1. Шахнарович А. М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 191–195.
2. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Памяти учителя И. А. Бодуэна де Куртене // Изв. Акад. наук СССР. Сер. VII : Отд-ние обществ. наук. 1931. № 1. С. 113–129.
3. Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция, речевая деятельность представителей поколения Z // Русский язык в школе. 2021. № 82 (4). С. 61–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-61-74
4. Курганова Н. И. Языковое сознание как объект исследования в современной лингвистике // Романия: языковое и культурное наследие — 2021 : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О. В. Лапунова (гл. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2021. С. 21–24.
5. Уфимцева Н. В., Шуюэ Цзя. Динамика изменения представления о профессии учителя в русском языковом сознании конца XX — начала XXI в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. № 2. С. 381–391. DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-381-391
6. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Изв. Ю.-Запад. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 1. С. 17–29.
7. Кружилина Т. В. Встречный текст как инструмент исследования деятельности понимания // Изв. Ю.-Запад. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и педагогика. 2025. № 15 (1). С. 18–28. DOI: 10.21869/2223-151X-2025-15-1-18-28

8. Schotter E. R., Dillon B. A Beginner's Guide to Eye Tracking for Psycholinguistic Studies of Reading // *Behavior Research Methods*. 2025. No. 57 (2). P. 68. DOI: 10.3758/s13428-024-02572-4
9. Palmović M., Jäger L. A., Hollenstein N. Editorial: Eye-tracking While Reading for Psycholinguistic and Computational Models of Language Comprehension // *Frontiers Psychology*. 2023. No. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1326408
10. Ito A., Knoeferle P. Analysing Data from the Psycholinguistic Visual-World Paradigm: Comparison of Different Analysis Methods // *Behavior Research Methods*. 2023. No. 55 (7). P. 3461–3493. DOI: 10.3758/s13428-022-01969-3
11. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М. : Смысл ; СПб. : Лань, 2003. 287 с.
12. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : Ин-т. рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук, 1999. 180 с.
13. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М. : Русский язык, 1993. 331 с.
14. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук, 2011. 252 с.
15. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М. : Гнозис, 2005. 543 с.
16. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // *Вопросы психолингвистики*. 2011. № 13. С. 7–29.
17. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
18. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 130 с.
19. Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск : Вариант-Омск, 2005. 260 с.
20. Горошко Е. И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2005. № 3. С. 53–61.
21. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
22. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
23. Виноградова О. Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2013. № 161. С. 66–73.
24. Гуц Е. Н., Лонская Е. Д. Семантическое моделирование вербализации страха в условиях полиэмоциональной ситуации // *Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования*. 2025. № 1 (46). С. 75–79. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-75-79
25. Гуц Е. Н., Лонская Е. Н. Субъективная семантика эмотива-номинанта «страх»: экспериментальное исследование // *Слово. Текст. Контекст*. 2025. № 1 (21). С. 37–51. DOI: 10.69571/PBSSPU.2025.21.1.003
26. Белянин В. П. Психолингвистика : учеб. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. 415 с.
27. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 252 с.
28. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-пресс книга, 2007. 576 с.